

DOI: 10.18503/1992-0431-2021-4-74-45–60

МОГИЛА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III В. Н.Э.
УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ
(ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ)

А.А. Труфанов

Институт археологии Крыма РАН, Симферополь, Россия
trufanov.a67@mail.ru

Аннотация. В статье публикуются материалы исследования подбойной могилы № 1089, обнаруженной на территории Усть-Альминского некрополя, расположенного в юго-западной части Крымского полуострова. В могиле находились останки двух человек. Погребальный инвентарь позволяет датировать комплекс первой половиной III в. н.э. Среди вещей, сопровождающих захоронения в могиле, имеется бронзовое зеркало, украшенное рельефным изображением, подобные которому принято относить к кругу «сарматских знаков». Такое зеркало обнаружено на территории Усть-Альминского некрополя впервые и в целом для Крыма является редкостью. Вместе с тем зеркала с разнообразными знаками выявлены в различных пунктах Северного Причерноморья, а аналогии усть-альминскому изображению имеются среди знаков, начертанных на каменных плитах, происходящих из этого региона.

Ключевые слова: Юго-Западный Крым, позднескифская культура Крыма, «сарматские знаки».

Усть-Альминский некрополь расположен в Юго-Западном Крыму, в устье реки Альма, поблизости от одноименного позднескифского городища. Этот памятник является одним из крупнейших некрополей варварского населения Крыма I в. до н.э. – середины III в. н.э. К настоящему времени здесь раскопано 1258 погребальных сооружений различной конструкции. Значительную часть из них составляют подбойные могилы.

В 2016 г. была исследована одна из таких могил, содержащая костные останки двух человек и отличающаяся от прочих объектов тем, что среди вещей, сопровождавших одно из этих погребений, находилось зеркало с т.н. «сарматским знаком». Такое зеркало найдено в Усть-Альминском некрополе впервые. Поскольку данный комплекс еще никогда не публиковался, считаю нужным представить его описание.

Данные об авторе: Труфанов Александр Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела археологии раннего железного века Института археологии Крыма РАН.

Подбойная могила № 1089 (рис. 1, 1–7) обнаружена в центральной части некрополя, к северу от древней дороги, пересекавшей его территорию. Входная яма, размерами 1,40×0,70–0,76 м, ориентирована по оси ЮВ–СЗ. В ее заполнении на глубине 1,10–1,50 м от уровня современной поверхности найдено несколько плоских обломков песчаника (рис. 1, 1). В северо-восточной стенке ямы, у дна вырублена ступень высотой 0,30–0,35 м, шириной до 0,23 м.

Подбойная камера, размерами 2,35×0,80–0,86 м, сооружена к юго-западу от входной ямы. От ямы ее отделял заклад, представлявший собой сложную конструкцию, которая состояла из внешнего и внутреннего слоев каменных плит. Дно подбойной камеры располагалось на глубине 2,58–2,60 м от уровня современной поверхности. На дне подбоя выявлены остатки двух погребений.

Погребение 1 (рис. 2) представляло собой костяк женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Захоронение было совершено в деревянном гробу, размеры которого, судя по прослеженным контурам древесного тлена, составляли около 1,80×0,50 м. Рядом с левой ключицей погребенной женщины найдена фигурная фаянсовая пронизь (голубая глазурь на более светлой основе) в виде льва, лежащего на прямоугольной плакетке (рис. 2, 21; 4, 7). В области грудной клетки зачищено скопление янтарных бус (рис. 2, 32; 3, 6), в числе которых округло-цилиндрические с выступающими торцами крупного (1 экз.) (рис. 3, 6а) и среднего (2 экз.) (рис. 3, 6б) размера, биконические (47 экз.) (рис. 3, 6в, г), биконическая со сглаженным ребром (1 экз.) (рис. 3, 6д), округло-цилиндрические (2 экз.) (рис. 3, 6е), округлые (11 экз.) (рис. 3, 6ж–к) и округлые поперечно сжатые (4 экз.) (рис. 3, 6л, м).

В области грудной клетки, между позвоночником и левым локтем, обнаружена бронзовая лучковая фибула с фигурной обмоткой спинки (рис. 2, 1), соединенная с бронзовым кольцом из круглого в сечении стержня с расплюснутыми окончаниями (рис. 2, 2), возможно, представлявшим собой вторично использованный браслет. Рядом, ближе к позвоночнику, лежало бронзовое зеркало с боковой петлей и рельефным знаком на оборотной стороне (рис. 2, 3), обращенное изображением вниз. Размеры изделия – 6,6 х 5,1 х 0,3 см.

Неподалеку был найден бронзовый колокольчик пирамидальной формы с железным язычком (рис. 2, 4; 3, 5). В этой же области находились: округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 5; 4, 9), бронзовая вытянутая биконическая бусина с продольными бороздками (рис. 2, 4; 4, 10) и крупная округлая и поперечно сжатая бусина из прозрачного бесцветного стекла с красными полосами и пятнами (рис. 2, 3; 4, 8).

Среди фаланг пальцев правой руки выявлен бронзовый перстень с широкой пластинчатой шинкой, украшенной бороздками, и плавно расширяющимся щитком. В центре щитка находилась закрепленная без дополнительного каста овальная сердоликовая вставка с углубленным изображением сидящей фигуры со скипетром и колосом в руках (рис. 2, 8; 3, 2).

Под кистью левой руки погребенной женщины располагалась краснолаковая чашка полусферической формы (диаметр венчика 12,5 см, высота 5,5 см, диаметр поддона 3,8 см) (рис. 2, 7; 7, 2). В области голени зафиксировано большое скопление бус (рис. 2, 26; 5, 1–23), располагавшихся рядами поперек берцовых костей и представлявших собой расшивку подола платья, нижней части штанов или

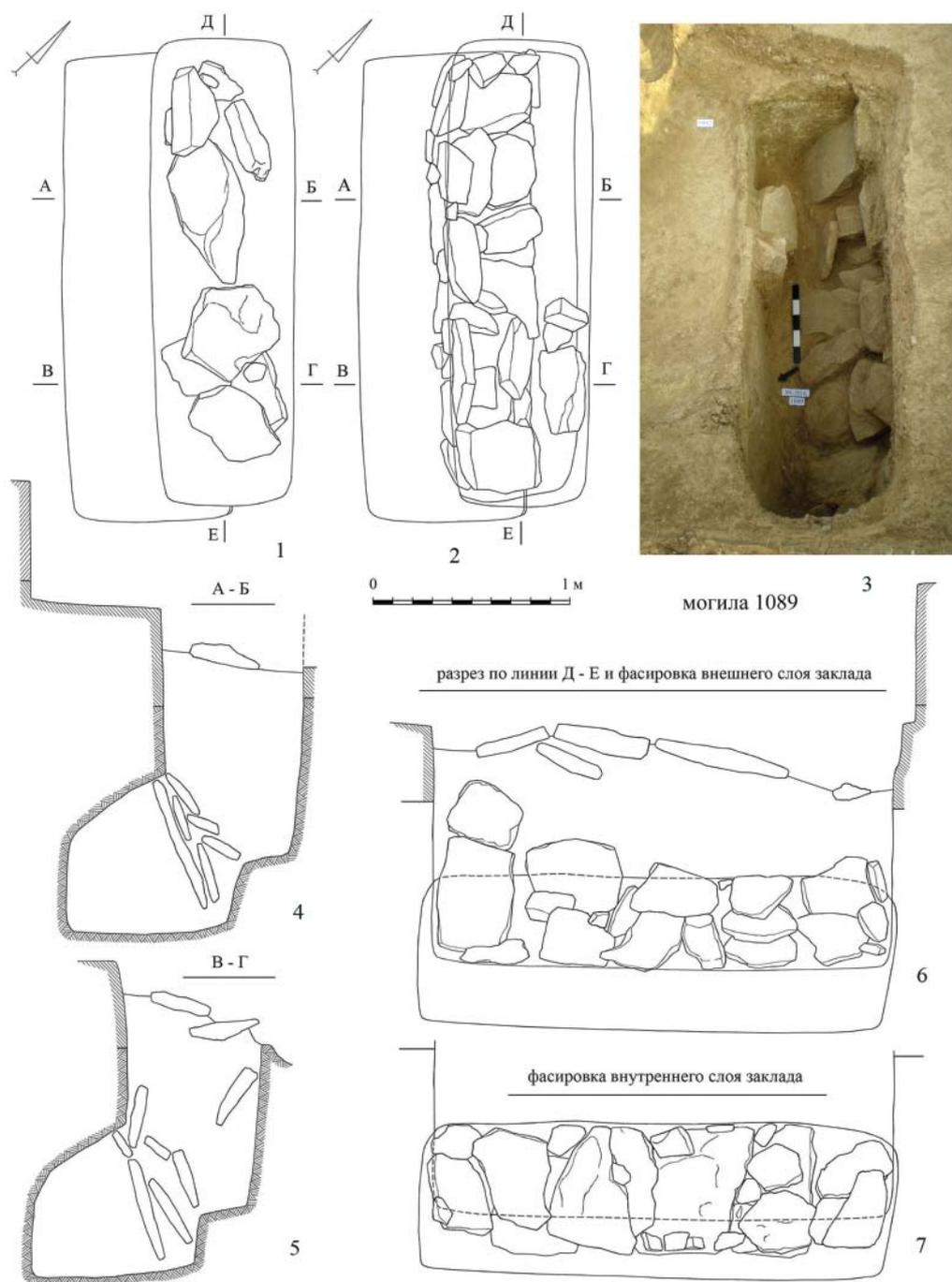

Рис. 1. Могила 1089. Планы, разрезы, фотография и фасировки заклада
 Fig. 1. Grave 1089. Plans, profiles, a photo and a side-view of the grave

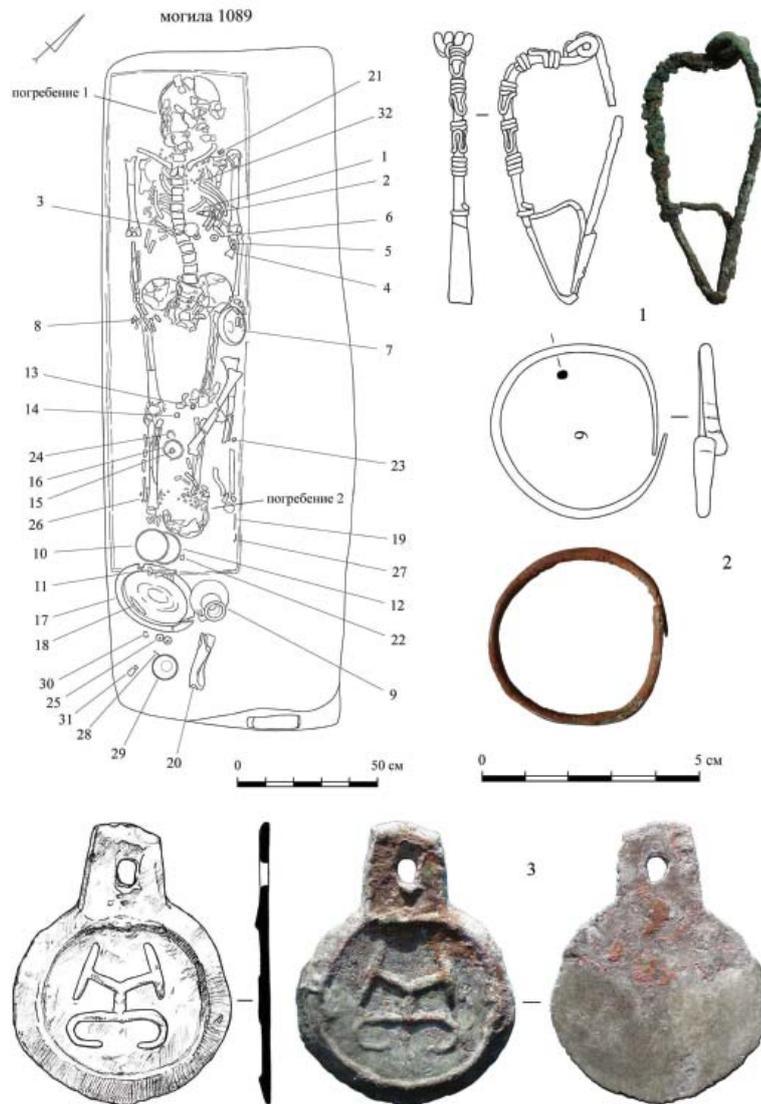

Рис. 2. Могила 1089. План погребения, находки: 1 – бронзовая фибула, 2 – бронзовое кольцо, 3 – бронзовое зеркало, 4 – колокольчик, 5 – бусы, 6 – бусина, 7 – чашка, 8 – перстень, 9 – кувшин, 10 – тарелка, 11 – детали шкатулки, 12 – тарелка, 13–15 – перстни, 16 – браслет, 17 – тарелка, 18 – нож, 19 – игла, 20 – кость животного, 21 – пронизь, 22 – бусы, 23 – перстень, 24 – фрагмент фибулы, 25 – пряслица, 26 – бусы, 27 – игла, 28 – шило, 29 – стеклянная чашка, 30 – фрагмент белемнита, 31 – оселок, 32 – бусы

Fig. 2. Grave 1089. A plan of burial, finds: 1 – a bronze brooch, 2 – a bronze ring, 3 – a bronze mirror, 4 – a bell, 5 – beads, 6 – a bead, 7 – a cup, 8 – a ring, 9 – a jug, 10 – a plate, 11 – details of a casket, 12 – a plate, 13–15 – rings, 16 – a bracelet, 17 – a plate, 18 – a knife, 19 – a needle, 20 – an animal bone, 21 – a bead, 22 – beads, 23 – a ring, 24 – a fragment of brooch, 25 – spinwhorls, 26 – beads, 27 – a needle, 28 – an awl, 29 – a glass cup, 30 – a fragment of belemnite, 31 – a whetstone, 32 – beads

Рис. 3. Могила 1089. Находки: 1 – оселок, 2 – перстень, 3 – шило, 4 – нож, 5 – колокольчик, 6 – бусы (1 – песчаник, 2 – бронза, сердолик, 3, 4 – железо, 5 – бронза, железо, 6 – янтарь)
 Fig. 3. Grave 1089. Finds: 1 – a whetstone, 2 – a ring, 3 – an awl, 4 – a knife, 5 – a bell, 6 – beads (1 – sandstone, 2 – bronze, carnelian, 3, 4 – iron, 5 – bronze, iron, 6 – amber)

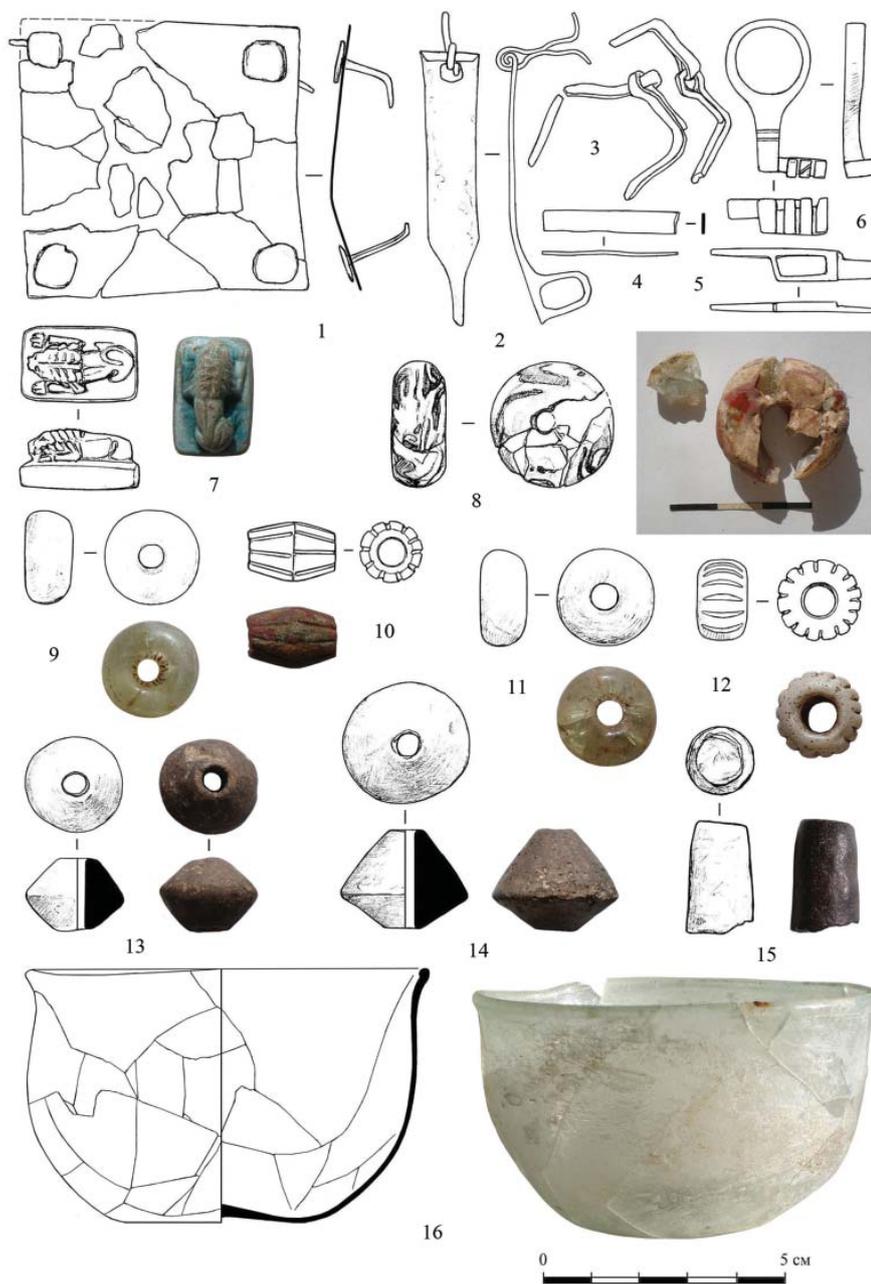

Рис. 4. Могила 1089. Находки: 1–6 – детали шкатулки, 7 – пронизь, 8–12 – бусы, 13, 14 – лепные пряслица, 15 – фрагмент белемнита, 16 – стеклянная чашка (1–6, 10 – бронза, 7 – фаянс, 8, 9, 11, 12 – стекло)

Fig. 4. Grave 1089. Finds: 1–6 – details of casket, 7 – a bead, 8–12 – beads, 13, 14 – hand-formed spin-whorls, 15 – a fragment of belemnite, 16 – a glass cup (1–6, 10 – bronze, 7 – faience, 8, 9, 11, 12 – glass)

Рис. 5. Могила 1089. Находки: 1–23 – бусы (1–22 – стекло, 23 – гагат)
 Fig. 5. Grave 1089. Finds: 1–23 – beads (1–22 – glass, 23 – jet)

обуви с высокими голенищами. В числе найденных здесь бус: призматическая из лилового прозрачного стекла (1 экз.) (рис. 5, 1), округлая из красного глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 2), цилиндрические из белого глухого стекла (6 экз.) (рис. 5, 3), призматические из белого глухого стекла (6 экз.) (рис. 5, 4), вытянутая биконическая из черного глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 5), дисковидные из синего глухого стекла (8 экз.) (рис. 5, 6), вытянутые биконические из зеленого полупрозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 7), вытянутые биконические из красного глухого стекла (5 экз.) (рис. 5, 8), в форме четырнадцатигранников из зеленого прозрачного стекла (77 экз.) (рис. 5, 9), призматические из зеленого прозрачного стекла (94 экз.) (рис. 5, 10), округлые из зеленого прозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 11), цилиндрические из красного глухого стекла (220 экз.) (рис. 5, 12, 13), в форме четырнадцатигранников из черного на вид глухого стекла (1 экз.) (рис. 5, 14), округлые из темно-лилового прозрачного стекла (7 экз.) (рис. 5, 15), призматические из красного глухого стекла (18 экз.) (рис. 5, 16), мелкая округлая из желтого прозрачного стекла (1 экз.) (рис. 5, 17), округлые из стекла с золотистой металлической прокладкой среднего размера: одиночные (32 экз.) (рис. 5, 18) и в виде нерасчлененных столбиков по две (13 экз.) (рис. 5, 19) и по три (1 экз.) (рис. 5, 20), округлые из стекла с золотистой металлической прокладкой более крупного размера: одиночные (10 экз.) (рис. 5, 21) и в виде нерасчлененного столбика (1 экз.) (рис. 5, 22), гагатовые короткоцилиндрические (7 экз.) (рис. 5, 23).

Погребение 2 (рис. 2). В юго-восточной части гроба обнаружены смещенные кости второго погребения, причем некоторые из них располагались поверх костей ног погребения 1. Среди этих смещенных костных останков выявлен фрагмент железной пружинной фибулы с пластинчатой спинкой, с прикипевшими остатками ткани (рис. 2, 24; 6, 1). Здесь же обнаружены: бронзовый перстень из скрученной в два витка узкой пластины, орнаментированной в средней части гравированными линиями (рис. 2, 23; 6, 3), бронзовый пластинчатый браслет с расплюснутыми окончаниями в форме змеиных головок (рис. 2, 16; 6, 12) и две бронзовые иглы, одна из которых находилась в деформированном виде (рис. 2, 19, 27; 6, 4, 5). В этой же области найдены четыре бронзовых перстня с овальными вставками из синего стекла (рис. 2, 13–15; 6, 6–9). На двух из них имеются углубленные изображения, напоминающие пары колосьев (рис. 6, 6, 7), на третьей вставке изображение сохранилось хуже (рис. 6, 8), вставка четвертого перстня почти полностью разрушилась (рис. 6, 9).

В пределах контуров гроба, у его торцевой юго-восточной стенки, находилась краснолаковая тарелка с вертикальным бортиком (диаметр венчика 10,9 см, высота 2,7 см, диаметр поддона 3,4 см) (рис. 2, 10; 7, 3). Под ней стояла вторая тарелка такой же формы (диаметр венчика 10,4, высота 2,9 см, диаметр поддона 3,7 см) (рис. 2, 12; 7, 3). Рядом с тарелками найдены две бусины: округлая и поперечно сжатая из прозрачного бесцветного стекла (рис. 2, 22; 4, 11) и округло-ребристая поперечно сжатая из белого стекла (рис. 2, 22; 4, 12).

Неподалеку, но за пределами гроба размещалась большая краснолаковая тарелка с горизонтально отогнутым венчиком (диаметр края венчика 25,0 см, высота 6,2 см, диаметр поддона 7,8 см) (рис. 2, 17; 7, 5), внутри которой находился железный нож (рис. 2, 18; 3, 4). Рядом с тарелкой стоял краснолаковый кувшин (диаметр венчика 5,9 см, высота 13,6 см, диаметр поддона 5,0 см) (рис. 2, 9; 7, 1).

В этой же области выявлены бронзовые детали деревянной шкатулки (рис. 2, 11; 4, 1–6), фрагментированный оселок из песчаника (рис. 2, 31; 3, 1), два лепных пряслица (рис. 2, 25; 4, 13, 14), железное шило (рис. 2, 28; 3, 3), крупная кость животного (рис. 2, 20) и фрагмент белемнита (рис. 2, 30; 4, 15). Здесь же находилась чашка из прозрачного бесцветного стекла (диаметр венчика 8,4 см, высота 5,2 см, диаметр дна 4,0 см) (рис. 2, 29; 4, 16).

Расположение костей погребения 2 дает основания считать, что они были перемещены в юго-восточную часть гроба в процессе совершения погребения 1. Они располагались в неанатомическом порядке, причем некоторые кости погребения 2 лежали поверх костей погребения 1. Логично предположить, что эти кости относятся к более раннему захоронению, целостность которого была нарушена при совершении погребения 1. Следует, однако, заметить, что под костями погребения 1 никаких следов более раннего захоронения не обнаружено. Возможно, данное обстоятельство объясняется тщательностью, с какой было проделано сдвигание костей более раннего захоронения. Вместе с тем нельзя исключать и того, что кости погребения 2 вместе с относящимися к нему вещами попали в могилу в уже разрозненном состоянии одновременно с совершением погребения 1.

Экспертиза костных останков из могилы № 1089, проведенная в 2016 г.¹, позволила установить следующее:

Погребение 1. Степень изношенности окклюзионной поверхности зубов и состояние суставных поверхностей эпифизов длинных трубчатых костей соответствует возрасту около 35–45 лет. Размеры скелета в целом и относительная величина эпифизов – средние, верхний глазничный край и скуловые отростки лобных костей тонкие, надбровный рельеф и рельеф нижней челюсти выражены слабо, что в целом может свидетельствовать о женской (?) половой принадлежности погребенного индивида.

Погребение 2. Степень развития зубной системы неясна, так как все корни зубов обломаны, однако размеры коронок зубов и поперечные размеры диафизов длинных трубчатых костей соответствуют возрасту около 12–18 лет. Маркеры пола отсутствуют².

Среди человеческих костей встречены фрагменты костей животного, в том числе один фрагмент плечевой кости мелкого копытного.

Датировка погребений, совершенных в рассматриваемой могиле, определяется сочетанием наиболее поздних выявленных вещей. Среди них лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой спинки (рис. 2, 1), подобные которой характерны для комплексов «заклучительной части II – первой половине III в. н.э.» (серия I, вариант 4, форма 1)³. Краснолаковая тарелка с горизонтально отогнутым венчиком (рис. 7, 5) относится к сосудам формы 6.3, дата которых «середина II – начало

¹ Экспертиза проведена А.А. Казарницким, к.и.н., м.н.с. отдела антропологии Музея антропологии и этнографии РАН, доцентом кафедры этнографии и антропологии института истории СПбГУ, которому я выражаю глубокую признательность.

² Добавлю к этому, что некоторые вещи, найденные среди смещенных костей погребения 2 (браслет с окончаниями в форме змеиных голов, иглы), считаются характерными для женских захоронений. Так что, если они действительно относились к данному погребению, то пол его, возможно, тоже женский.

³ Кропотов 2010, 80.

(первая половина – ?) III вв. н.э.», притом, что формально наиболее близкие тарелки происходят из комплексов первой половины III в. н.э.⁴

Примечателен бронзовый перстень из свернутой в два витка узкой пластины (рис. 6, 3). Изделия этого типа получили распространение в центральной зоне предгорного Крыма в конце II – первой половине III в. н.э. и совсем не характерны для памятников юго-западной части полуострова⁵. В Усть-Альминском некрополе это пока единственная находка.

Еще один перстень, найденный в могиле, украшен сердоликовой вставкой-геммой (3, 2). На вставке изображена сидящая антропоморфная (мужская?) фигура со скипетром и колосом (одним или двумя?) в руках. Возможно, она представляет собой изображения Гения доброй судьбы (*Vonus Eventus*)⁶, но я не настаиваю на этой интерпретации. Бронзовый перстень этой же формы (вставка утрачена) происходит из могильника Совхоз 10 (Юго-Западный Крым), где найден «с материалом III в. н.э.»⁷, в том числе с лучковой пластинчатой фибулой «инкерманской серии» конца II – первой половины III в. н.э.⁸ Перстни с некоторыми формальными отличиями, но с похожим образом декорированными шинками, найденные на территории Галлии, датируются от последней трети II до начала IV в. н.э.⁹ Близкие изделия выявлены при исследованиях римского города Августы Раурики на Рейне¹⁰. Похожий бронзовый перстень со вставкой-геммой из музея П. Гетти отнесен к изделиям II–III вв. н.э.¹¹

Набор бус из рассматриваемого комплекса включает изделия тех типов, которые получили распространение в Крыму во второй половине II – первой половине III в. н.э.¹²: цилиндрические и призматические из красного глухого стекла¹³ (рис. 5, 12, 13, 16), призматические и в форме четырнадцатиугольников из зеленого прозрачного стекла¹⁴ (рис. 5, 9, 10).

На основании изложенного могилу № 1089 можно датировать в пределах конца II – первой половины III в. н.э., причем более предпочтительной кажется именно первая половина III в. н.э. Большинство прочих вещей из могилы имеет более широкую датировку, не противоречащую, однако, указанной дате. Единственным предметом, выбивающимся за рамки указанного выше хронологического диапазона, является фаянсовая фигурная пронизь в виде льва на прямоугольной плакетке (рис. 4, 7). Такие изделия, часто встречающиеся в захоронениях варварского населения Крыма последней трети I – первой половины II в. н.э., крайне редко попадали в комплексы более позднего времени¹⁵.

Особый интерес вызывает находка в рассматриваемой могиле зеркала с рельефным знаком на тыльной поверхности (рис. 2, 3). Похожие знаки, процара-

⁴ Труфанов 2009, 153, рис. 16, 3, 4, 7; Журавлев 2010, 50, 138, рис. 133.

⁵ Труфанов 2019, 573–580.

⁶ Финогенова 1987, 148, 150.

⁷ Стржелецкий, Высотская, Рыжова, Жесткова 2005, 166, табл. 21, 38.

⁸ Амброз 1966, 52; Труфанов 2009, 213; Кропотов 2010, 135.

⁹ Guiraud 1989, fig. 21, type 3g; 53, 3g.

¹⁰ Riha 1990, 125, taf. 2, 17, 25.

¹¹ Spier 1992, 126, №335.

¹² Иштванович, Кульчар, Стоянова 2020, 37.

¹³ Типы 57 и 117 по: Алексеева 1978, 67, 70.

¹⁴ Типы 120 и 131 по: Алексеева 1978, 70.

¹⁵ Труфанов 2009, 252, 253.

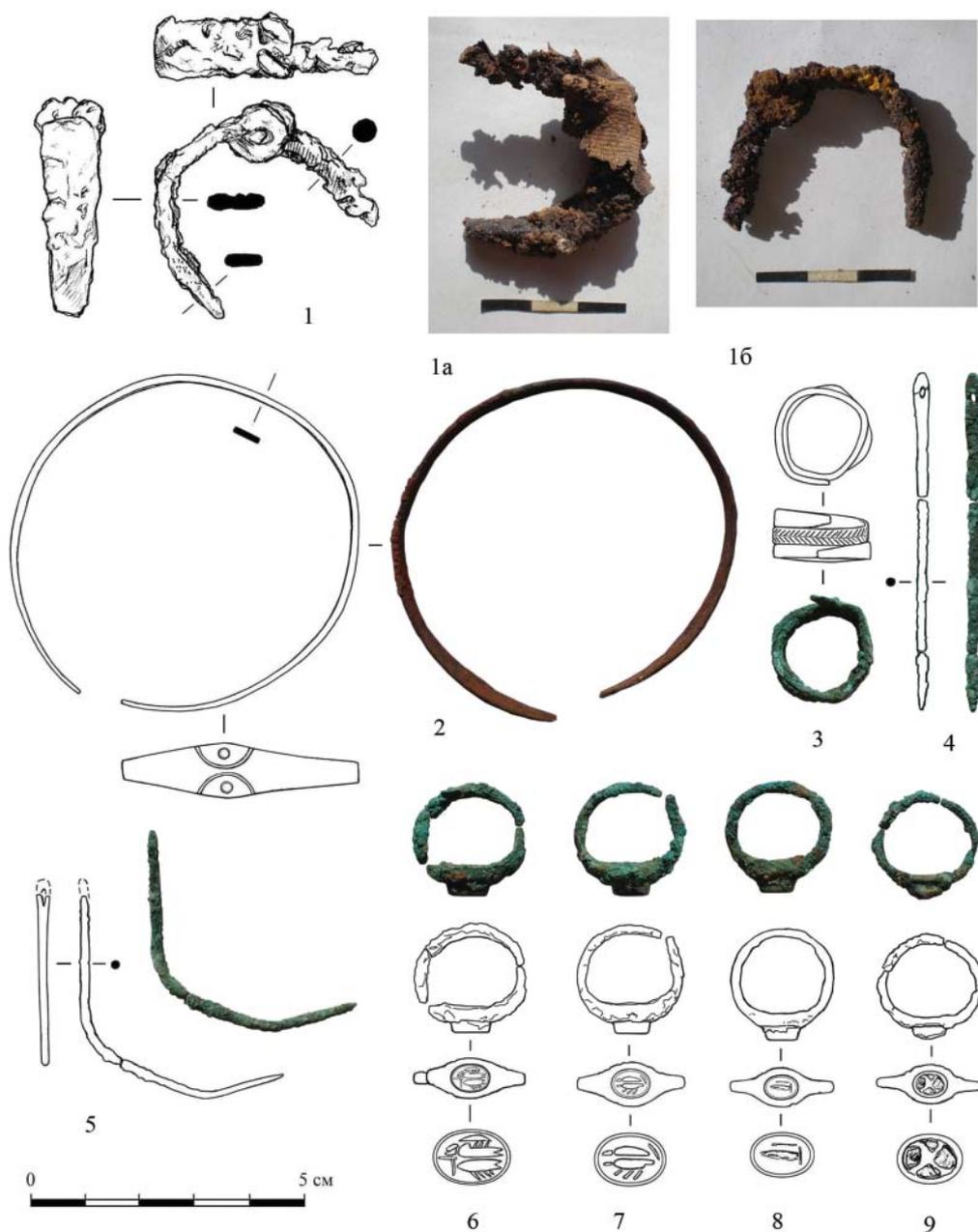

Рис. 6. Могила 1089. Находки: 1 – фрагмент фибулы, 2 – браслет, 3 – перстень, 4, 5 – иглы, 6–9 – перстни (1 – железо, 2–5 – бронза, 6–9 – бронза, стекло)

Fig. 6. Grave 1089. Finds: 1 – a fragment of brooch, 2 – a bracelet, 3 – a ring, 4, 5 – needles, 6–9 – rings (1 – iron, 2–5 – bronze, 6–9 – bronze, glass)

Рис. 7. Могила 1089. Краснолаковые сосуды: 1 – кувшин, 2 – чашка, 3–5 – тарелки
 Fig. 7. Grave 1089. Red-slip vessels: 1 – jug, 2 – cup, 3–5 – plates

паннные на каменных плитах, стенах домов и пещер, а также на поверхности различных ремесленных изделий, встречаются по всему Северному Причерноморью и считаются тамгообразными сарматскими родовыми знаками¹⁶. Предметы, на которых такие знаки были изображены при изготовлении вещи, встречаются гораздо реже. К их числу относятся бронзовые зеркала.

В конце I – первой половине III в. н.э. в Крыму получают распространение орнаментированные зеркала с боковой петлей. Они имеют близкие параметры и, как правило, радиальный или радиально-лучевой орнамент с вариациями. Такие изделия производились в огромном количестве с учетом потребностей и вкусов «среднего» потребителя и распространялись торговцами по всему полуострову. В отличие от этой массовой и стандартизированной продукции, данное зеркало, по-видимому, представляет собой эксклюзивную вещь. Вместо типичного, лишённого индивидуальности орнамента, оно украшено особым родовым знаком. Это зеркало могло быть изготовлено на заказ, возможно – в местной варварской среде. Есть основания думать, что созданную для его отливки форму использовали лишь единожды, хотя, разумеется, безапелляционно утверждать это нельзя. Можно говорить лишь об исключительной редкости подобных изделий в Крыму. Среди материалов исследования варварских могильников полуострова, известно зеркало, украшенное несколько отличающимся знаком, найденное в погребении III в. н.э. из могильника Курское в восточной части предгорного Крыма¹⁷. Заслуживает внимания «серебряная бляха с сарматским знаком» III в. н.э. из некрополя Нейзац¹⁸, вероятно, являющаяся деталью конской упряжи. Знак, изображенный на этой бляхе, в своей нижней части аналогичен знаку на усть-альминском зеркале.

В Северном Причерноморье зеркала с более или менее близкими знаками выявлены в Пантикапее (или в его округе), в Ольвии, в Приднепровье, в Днестро-Дунайском междуречье и на территории Румынии¹⁹. Особенно примечательно зеркало из Ольвии²⁰, на котором изображен точно такой же знак, как и на зеркале из Усть-Альмы. Аналогичные знаки прочерчены на каменных плитах из Малой Козырки (в 12 км от Ольвии), Тетчан (север Молдавии) и Кривого Рога²¹.

Возможно, всех этих данных достаточно для того, чтобы не только соотнести находку из Усть-Альминского некрополя с изделиями сарматского круга, но и предположить прямое отношение погребенной в могиле женщины к роду, представители которого оставили после себя отметки в виде аналогичных знаков. В таком случае можно предполагать наличие родственных связей, по крайней мере, между некоторыми оседлыми жителями Усть-Альминского городища и северо-причерноморскими кочевниками.

Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в том, что погребенная из Усть-Альмы, как и прочие жители связанного с некрополем городища, вела оседлый образ жизни. Комплекс вещей, сопровождающих погребение (за исключением неординарного зеркала), равно как и тип погребального сооружения, вполне соот-

¹⁶ Соломоник 1959, 16, 17; Драчук 1975, 45, 54.

¹⁷ Труфанов, Колтухов 2003, 282, рис. 5, 5.

¹⁸ Соломоник 1959, 140, № 92; Дашевская 1991, табл. 74, 11; Храпунов 2011, 14, рис. 4, 1.

¹⁹ Драчук 1975, табл. XVI, 5–14; Васильев, Дзиговский 2003, рис. 5, 11; Савельев 2009, рис. 2, 2.

²⁰ Соломоник 1959, 143, № 193, рис. VI; Драчук 1975, табл. XVI, 5.

²¹ Соломоник 1959, 77, 81, 97, №№ 32, 36, 43.

ветствуют нормам, прослеживаемым в погребальном обряде жителей городища. Наборы стеклянных бус тех же типов, что и в могиле 1089, равно как и их расположение рядами поперек голеней, не характерны для степных сарматских погребений, тогда как в Крыму аналогий имеется множество²².

Альтернативным вариантом является предположение о том, что зеркало попало в Крым в качестве товара. В этом случае оно могло бы быть одним из металлических изделий, выполненных ремесленниками-кочевниками, редких уже потому, что такие вещи не могли составлять конкуренции античным ремесленным центрам. Рельефный знак на поверхности зеркала в таком случае мог бы являться родовым знаком ремесленника.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева, Е.М. 1978: *Античные бусы Северного Причерноморья* (САИ. Г1–12). М.
- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР (II в. до н. э. – IV в. н. э.)* (САИ Д 1–30). М.
- Васильев, А.А., Дзиговский, А.Н. 2003: Еще раз к хронологии позднейших сарматских древностей Буджака. *Stratum plus 4* (2001–2002), 315–334.
- Дашевская, О.Д. 1991: *Поздние скифы в Крыму* (САИ Д1–7). М.
- Драчук, В.С. 1975: *Системы знаков Северного Причерноморья*. Киев.
- Журавлев, Д.В. 2010: Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма I–III вв. н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины). *МАИЭТ. Supplementum 9*. Симферополь.
- Иштванович, Э., Кульчар, В., Стоянова, А.А. 2020: Бусы в costume населения сарматского времени Крыма и Альфельда. В сб.: И.Н. Храпунов (ред.), *Крым в сарматскую эпоху (III в. до н. э. – IV в. н. э.) VI*. Симферополь, 10–43.
- Кропотов, В.В. 2010: *Фибулы сарматской эпохи*. Киев.
- Савельев, О.К. 2009: Богатое позднесарматское погребение из кургана 2 к с. Дивизия (вопросы датировки). *Stratum plus 4* (2005–2009), 365–373.
- Соломоник, Э.И. 1959: *Сарматские знаки северного Причерноморья*. Киев.
- Стржелецкий, С.Ф., Высотская, Т.Н., Рыжова, Л.А., Жесткова, Г.И. 2005: Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз №10»). *Stratum plus 4*, 27–277.
- Труфанов, А.А. 2009: Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н. э. – III в. н. э. *Stratum plus 4* (2005–2009), 117–328.
- Труфанов, А.А. 2019: Региональные отличия комплекса бронзовых украшений конца II – середины III в. н. э. из погребений центральной части предгорного и горного Крыма. В кн.: В.Н. Зинько, Е.А. Зинько (ред.-сост.), *XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований*. Симферополь–Керчь, 573–580.
- Труфанов, А.А., Колтухов, С.Г. 2003: Исследование позднеантичного некрополя у с. Курское в Юго-Восточном Крыму. *Stratum plus 4* (2001–2002), 278–295.
- Финогенова, С.И. 1987: Группа золотых перстней из Анапы. *Сообщения Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина* 8, 147–153.
- Храпунов, И.Н. 2011: Некоторые итоги исследований могильника Нейзац. В кн.: И.Н. Храпунов (отв. ред.), *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 13–113.
- Guiraud, H. 1989: *Vagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule*. *Gallia* 46, 173–211.

²² Иштванович, Кульчар, Стоянова 2020, 37.

- Riha, E. 1990: Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst* 10. Augst.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu.

REFERENCES

- Alekseeva, E.M. 1978: *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya* [Antique beads of the Northern Black Sea region]. (Svod arkhelogicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] G1–12). Moscow.
- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeiskoy chasti SSSR (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [Fibulae of the south of the European part of the USSR (2nd century BC – 4th century AD)]. (Svod arkhelogicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D 1–30). Moscow.
- Dashevskaya, O.D. 1991: *Pozdnie skify v Krymu* [Late Scythians in Crimea]. (Svod arkhelogicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–7). Moscow.
- Drachuk, V.S. 1975: *Sistemy znakov Severnogo Prichernomor'ya* [Systems of signs of the Northern Black Sea region]. Kiev.
- Finogenova, S.I. 1987: Gruppy zolotykh perstney iz Anapy [The Group of gold finger-rings from Anapa]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv imeni A.S. Pushkina* [Messages from the State Museum of Fine Arts named of A.S. Pushkin] 8, 147–153.
- Guiraud H. 1989: Bagues et anneaux à l'époque romaine en Gaule. *Gallia* 46, 173–211.
- Ishtvanovich, E., Kul'char, V., Stoyanova, A.A. 2020: Busy v kostyume naseleniya sarmatskogo vremeni Kryma i Al'fyel'da [Beads in the Sarmatian Age population in Crimea and Great Hungarian Plain]. In: I.N. Khrapunov (ed.), *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)* [The Crimea in the Age of the Sarmatians (2nd century BC – 4th century AD)] VI. Simferopol, 10–43.
- Khrapunov, I.N. 2011: Nekotorye itogi issledovaniy mogil'nika Neizats [Some results of research at the Neizats burial ground]. In: I.N. Khrapunov (red.), *Issledovaniya mogil'nika Neizats*. [Exploring the cemetery of Neyzats]. Simferopol, 13–113.
- Kropotov, V.V. 2010: *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae of the Sarmatian era]. Kiev.
- Riha, E. 1990: Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. *Forschungen in Augst* 10. Augst.
- Savel'ev, O.K. 2009: Bogatoye pozdnesarmatskoye pogrebenie iz kurgana 2 k s. Diviziya (voprosy datirovki) [Rich Late-Sarmatian Burial in the Barrow No. 2 Near Diviziya Village (Problems of Dating)]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 365–373.
- Solomonik, E.I. 1959: *Sarmatskie znaki severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian signs of the northern Black Sea region]. Kiev.
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections, the J. Paul Getty Museum*. Malibu.
- Strzheletskiy, S.F., Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A., Zhestkova, G.I. 2005: Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysyacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz №10») [The population of the Chersonesos area in the first half of the 1st millennium AD (based on materials from the necropolis “Sovkhoz no. 10”)]. *Stratum plus* 4, 27–277.
- Trufanov, A.A. 2009: Khronologiya mogil'nikov Predgornogo Kryma I v. do n. e. – III v. n. e. [The Chronology of the Necropoleis of the Crimean Foothills 1st century BC – 3rd century AD]. *Stratum plus* 4 (2005–2009), 117–328.
- Trufanov, A.A. 2019: Regional'nye otlichiya kompleksa bronzovykh ukrasheniy kontsa II – serediny III v. n. e. iz pogrebeniy tsentral'noy chasti predgornogo i gornogo Kryma [Regional differences in the complex of bronze jewelry of the late 2nd – mid-3rd centuries AD from

- the burials of the central part of the foothill and mountainous Crimea]. In: V.N. Zin'ko, E.A. Zin'ko (ed.), *XX Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy* [XX Bosporan Readings. Cimmerian Bosporus and the Barbarian World in the Periods of Antiquity and the Middle Ages. Main results and research prospects]. Simferopol–Kerch, 573–580.
- Trufanov, A.A., Koltukhov, S.G. 2003: Issledovanie pozdneantichnogo nekropolya u s. Kurskoe v Yugo-Vostochnom Krymu [Exploration of the late antique necropolis near the village Kurskoe in the South-East Crimea]. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 278–295.
- Vasilev, A.A., Dzigovskiy, A.N. 2003: Eshchye raz k khronologii pozdneyskhikh sarmatskikh drevnostey Budzhaka [Another Approach Towards Chronology of the Latest Sarmatian Antiquities of Budjak]. *Stratum plus* 4 (2001–2002), 315–334.
- Zhuravlev, D.V. 2010: Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma I–III vv. n. e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny) [Red glazed ceramics of the South-West Crimea of the 1st – 3rd centuries AD (based on materials from the late Scythian necropolises of the Bel'bek valley)]. *MAIET. Supplementum* [Materials of the archeology, history and ethnography of Tauriya. Supplementum] 9. Simferopol.

THE FIRST HALF THIRD CENTURY AD GRAVE IN
THE UST-ALMA NECROPOLIS (THE SOUTH-WESTERN CRIMEA)

Alexander A. Trufanov

Institute of Archaeology of the Crimea RAS, Simferopol, Russia
trufanov.a67@mail.ru

Abstract. The publication concerns an analysis of the nich-grave no. 1089 discovered on the territory of Ust-Alma necropolis, it situated in the South-Western part of Crimean peninsula. The grave contained remains of two persons. According to the grave goods, the burial complex can be dated to the first half of the 3rd century AD. Among grave goods there is a mirror with the relief decoration similar to the so-called «Sarmatian signs». It is the first case of such a find for the Ust-Alma necropolis, and it is rare for the Crimea in general. At the same time, mirrors decorated with various «Sarmatian signs» are found in different points of the North Pontic region, and the signs analogous to the Ust-Alma image are represented among those inscribed on the stone slabs from that territory

Keywords: South-Western Crimea, Late Scythian culture of the Crimea, “Sarmatian signs”.